

столь ясно сформулированный пророками, не тотчас устранил и заменил собой религиозный национализм древнего Израиля.

Ибо остается фактом, что даже у самых убежденных представителей универсализма стремление к универсальному религиозному обществу не исключало уверенности, что такое общество должно сформироваться вокруг еврейского народа. Для этого были глубокие и законные основания. Ведь именно этому народу прежде других открылся Яхве, в его среде устроил Он свою обитель, ему вручил Он закон, культ и миссию распространять их по всему лицу земли. Более того, разве не в Израиле Он явил свое удивительное могущество, совершил многочисленные чудеса и поразил все другие народы вместе с их ложными богами? Следовательно, совершенно естественно считать Иерусалим центром будущего культа и провидеть, как в нем, вокруг святилища Яхве, собираются все народы, чтобы образовать вместе с тем, что осталось от Израиля, сообщество поклоняющихся истинному Богу.

Лучше всех пророков двоякий характер этого сообщества выразил Исая. Насколько он его понимает, это уже такое сообщество, которое прозревает свою универсальность, и узы, связывающие его членов, имеют преимущественно религиозную природу. «Прежде Меня», говорит Яхве, «не было Бога, и после Меня не будет». Поскольку Яхве — единственный Бог, то Он и единственный Спаситель. Таков религиозный

Глава II. Латинские отцы и философы

122

факт, и еврейский народ — своей историей и самим своим существованием — является его живым «свидетелем» (Ис. 43:9—12; 44:6—8). По этой самой причине всякий народ, всякий государь, участвующий в деле спасения Израиля, оказывается причастен Божьему делу как орудие Божьей воли. Так, Кир — это помазанник Божий, избранный Яхве для служения делу Иакова и Израиля, на которого Он возложил миссию восстановления Иерусалимского храма (Ис. 45:1—7). Это расширение перспективы достигает значительных масштабов в пророчествах Исаяи второго цикла. Как только появляется загадочная фигура «Раба Яхве»*, миссией Израиля очевидным образом становится распространение на всю Вселенную обетованного ему Богом спасения: «Мало того, что Ты будешь рабом Моим для восстановления колен Иаковлевых и для возвращения остатков Израиля, но Я сделаю Тебя светом народов, чтобы спасение Мое простерлось до концов земли» (Ис. 49:6). Однако эти пророческие слова, в которых христиане без труда видят провозвестие Мессии, еще не заключают предвидения возможности универсального религиозного сообщества, свободного от всяких временных и территориальных привязок к определенному народу. «Раб Яхве» все время говорит о спасении Израиля, но представляет он себе его в образе возрожденного Иерусалима: его стены укроют и защитят свободный народ, а наследники, возвратившие наследство — колена Израилевы, — будут пасти тучные стада при дорогах, восстановленных их трудами. Тогда детям Израиля будет несть числа, и Яхве покорит этому огромному народу скопище всех его врагов (Ис. 49:8—25). Этот новый Иерусалим, который св. Августин позднее отождествит с Градом Божиим, в пророчествах Ветхого Завета еще не утратил временных «привязок». Когда «Раб Яхве» говорит о будущем триумфе Иерусалима, то он еще имеет в виду временную столицу временной Иудеи. Вокруг нее собираются все ее сыновья; в нее притекают

все богатства мира и возлагаются в жертву на алтарь Яхве; «сыновья иноземцев будут строить стены твои, и цари их — служить тебе». Добавим, что у этих народов и их царей